

День приезда посланника Цися неумолимо приближался. Всё это время маленький наследный принц вёл себя удивительно послушно: усердно учился, не пропустил ни одного занятия и безропотно исполнял все поручения.

И хотя его каллиграфия по-прежнему оставалась отвратительной, в остальном успехи выглядели вполне обнадеживающе.

Су Бэйлян не ждал от него триумфа на Осенних испытаниях — хватило бы и сносной оценки. Лишь бы завершить первый этап задания и хоть немного сбить этот проклятый уровень смертности.

Кроваво-красная цифра «99» так и висела перед глазами. Каждый раз, вызывая интерфейс системы, Су Бэйлян чувствовал себя под занесённым дамокловым мечом. Он всерьёз опасался, что при провале задания этот клинок просто рассечёт его пополам.

Ведь в оригинальном романе участь вана Ляна была самой ужасной из всех.

Сначала главный герой отрубит ему обе ноги и закроет в Дворце Восточного Солнца. Затем, после неудачного побега, посадит на цепь у каменного столба перед главным залом — полуголового, вынужденного ползать по грязи, словно бездомный пёс.

А в морозную ночь зимнего солнцестояния ван Лян, окончательно лишившись рассудка, сорвётся с цепей, взобьётся на дворцовую стену и бросится вниз. Череп вдребезги, алая кровь хлынет на ослепительно белый снег...

От этих воспоминаний Су Бэйлян нервно сглотнул.

«Тише, тише, — успокаивал он себя. — Главное — дотянуть до конца квеста и свалить». Никаких амбиций у него не было, императорский престол интересовал его не больше, чем вчерашний снег. Если вести себя смирно и не отсвечивать, весь последующий кошмар обойдёт его стороной.

Стоит вырастить из мальчика мудрого правителя — и можно уходить на покой. Больше никаких новелл! Вернётся в родную деревню, унаследует от двоюродного дедушки пару му заросших рисовых полей, будет выращивать овощи, пасти уток, а там, глядишь, женится на первой красавице с соседнего двора да наплодит ребятишек.

Отличный план. Просто загляденье!

Погрузившись в эти мечты, Су Бэйлян обернулся и наткнулся на пристальный взгляд Су Цяня. Мальчик смотрел на него не мигая, и от этого пронизывающего, тёмного блеска в детских глазах у Су Бэйляна ёкнуло сердце.

Он смутно сознавал, что наследный принц в последнее время всё чаще разглядывает его. Причём не исподтишка, а абсолютно открыто, почти в упор.

Даже поймав на себе ответный взгляд, ребёнок и не думал смущаться или отворачиваться — напротив, с дерзким упрямством продолжал смотреть прямо в глаза.

Су Бэйлян подошёл к столу и лёгким щелчком постучал по деревянной столешнице:

— Что на меня уставился? В книгу смотри.

Су Цянь пару раз моргнул и без спешки перевёл взгляд на свиток.

— Эх... Говорят, в древних фолиантах сокрыты лики прекрасных дев, но Цянь-эру кажется, что августейший дядя куда красивее, — с наигранным взрослым вздохом протянул он. — Мне бы хотелось повесить твой портрет на стену, прикрепить к потолку, положить рядом с подушкой, чтобы любоваться тобой каждый день. Хоть круглые сутки смотри — вовек не надоест.

Су Бэйлян опешил.

Это что сейчас было? Похвала? У мальчишки сладкий язычок, да только от его слов почему-то сводило зубы.

А если вдуматься — и вовсе мороз по коже дрёт...

Впрочем, неважно. Сейчас главное — предупредить мальчика о завтрашнем пире. Нужно дать ему время морально подготовиться, а ещё снабдить какими-нибудь средствами защиты. Понятное дело, на публике этот старый мерзавец Пэйлаэр ничего лишнего себе не позволит, но от него можно ждать любых подлостей.

Лучше перестраховаться. К тому же душевное состояние будущего правителя напрямую повлияет на результат Осенних испытаний.

Су Бэйлян присел на стул напротив:

— Отложи кисть. Нам нужно поговорить.

Наследный принц послушно положил кисть на подставку и уставился на наставника.

Природа щедро одарила этого ребёнка: в уголках его глаз всегда таилась лукавая полуулыбка, а во взгляде притаилась колдовская магия. Даже Су Бэйлян, видевший его изо дня в день, каждый раз невольно замирал от этого совершенства. Неудивительно, что старый похотливый

пёс Пэйлаэр преодолел тысячи ли, лишь бы добраться до государства Дунсюань.

Красота сама по себе не грех, но она — обоюдоострый клинок. Кому-то она приносит милость, а кому-то — беду. Так было с матерью Су Цяня, так произошло и с матерью самого вана Ляна.

Недаром говорят, что век красавиц полон невзгод.

Немного помолчав, Су Бэйлян произнёс:

— Завтра вечером в Дунсюань прибывает посланник Цися, Пэйлаэр. Твой августейший родитель устраивает в Императорском саду пир в его честь и повелел мне взять тебя с собой. Я понимаю, что тебе неохота туда идти, но...

— Хорошо, — перебил его Су Цянь, не дав закончить.

Су Бэйлян в изумлении взглянул на мальчика, но тот лишь безмятежно улыбался.

— Даже если я стану плакать и упираться, августейший дядя всё равно заставит меня пойти, — тихо произнёс принц. — Ведь это государственное дело. Наследному принцу не подобает проявлять своенравие. Ради блага подданных Дунсюаня я должен из кожи вон лезть, ублажая посланника Цися, ведь так?

Эти неожиданные, по-взрослому горькие слова заставили Су Бэйляна онеметь. На мгновение ему показалось, что мальчик прекрасно понимает подлинный замысел императора. Торговать собственным дитятей — мерзость, от которой тошнило. Но когда эти откровения слетели с губ ребёнка, сердце Су Бэйляна сжала острая боль.

Мог ли он пообещать: «Дядя защитит тебя и не заставит идти»? Нет.

Он не смел ослушаться высочайшего указа, не мог провалить задание системы. Ему оставалось лишь одно — собственными руками вести Су Цяня к человеку, вызывающему у того лишь ужас и отвращение...

Глядя на молчаливого наставника, Су Цянь чувствовал, как тьма в его душе разрастается, затапливая разум. Он вновь взялся за кисть и продолжил переписывать неоконченные стихи.

Смыкающиеся на бумаге чернильные разводы отражали густеющую в его глазах жажду крови.

«А я-то надеялся, что ты удивишь меня, — подумал он. — Но всё повторяется. Точь-в-точь как в прошлой жизни. Какая скука... И если ты останешься таким же скучным, то и беречь тебя больше незачем».

Едва этот разговор завершился, в голове Су Бэйляна раздался механический трезвон:

[Система: Согласие сопровождать Су Цяня на пиру получено. Задание выполнено! Начислено очков: +2. Поздравляем, Хозяин, продолжайте в том же духе!~]

[Система: На вашем счету уже 4 очка! Теперь вам доступны товары более высокого уровня~]

[Система: Хозяин, вы хотя бы ответите? Мне как-то неловко говорить с самим собой...]

[Система: Вы... расстроены?]

«Я не знаю, что значит расстраиваться, — мысленно отозвался Су Бэйлян. — Просто тяжело на душе».

[Система: Это и есть печаль, Хозяин. На самом деле вам не стоит принимать всё близко к сердцу. Каким бы реалистичным ни казался этот мир, это лишь массив цифровых данных. Ваша цель — выполнять задания и поскорее вернуться в свой мир. Вам вовсе не обязательно привязываться к местным персонажам.]

Су Бэйлян горько усмехнулся:

«Привязываться? Ты переоцениваешь меня. Человек с алекситимией и эмоциональной отстранённостью не способен на сопереживание».

Он действительно не умел сочувствовать. Не чувствовал ни радости, ни гнева, ни печали. Всю жизнь он лишь копировал эмоции окружающих, надевая нужную маску в зависимости от ситуации.

Весь остаток дня Су Бэйлян почти не разговаривал с принцем. Липнувший к нему обычно Су Цянь словно чувствовал настроение наставника и тоже не проявлял привычной назойливости.

Вечером за ваном Ляном и Наследным принцем прибыла императорская карета. Слуги из дворца привезли с собой особый наряд для мальчика — парчовое одеяние из небесного шёлка яркого, как цветущий гранат, водянисто-алого оттенка, сплошь покрытое пышной вышивкой. Стоило поднять его к свету, как ткань оказывалась полупрозрачной — сквозь неё просвечивала каждая деталь.

Трудно было вообразить, что подобное срамное одеяние венценосный отец велел надеть собственному сыну.

Посыльный евнух, суетливо обойдя главный зал и не найдя принца, елейным голосом напомнил:

— Ван Лян, это парчовое одеяние из небесного шёлка приготовлено Его Императорским Величеством специально для Его Высочества. Позвольте принцу переодеться перед тем, как сесть в экипаж, иначе во дворце менять наряд будет весьма недосуг.

Су Бэйлян неторопливо вытащил шёлковое платье из резной шкатулки. Стоявший рядом евнух Ань решил, что господин хочет передать одежду ему, и уже протянул руки, но Су Бэйлян внезапным широким жестом швырнул парчу прямо в бронзовую курильницу.

Густой дым фимиама драконьей слюны мгновенно поглотил наряд. Тончайшие шёлковые нити под действием огня сморщились в обугленный комок; яркий гранатовый цвет поблёк, словно ошпаренный кипятком лепесток, нити лопались с негромким треском, и над курильницей поднялся столб сизого чада.

Прибывший из дворца евнух с воплями бросился к жаровне, пытался спасти одеяние, но было поздно. Глядя на дымящийся уголёк, в который превратился драгоценный подарок, слуга чуть не лишился чувств.

— Ван Лян! — запричитал он, едва не падая на колени. — Государь лично повелел ни в чём не отклоняться от наказа и облачить Наследного принца в это шёлковое платье! Как же теперь... Как мне держать ответ перед Его Величеством?!

Не только дворцовый посланец зашёлся в истерике — даже евнух Ань от ужаса затаил дыхание. Прежде, каково бы ни было настроение Его Высочества, он всегда сохранял видимость почтения к монарху. Что же заставило его теперь открыто пойти на конфликт?

Да, это платье выглядело бесстыдным и мерзким, но такова была воля государя! Раз уж император не боялся позора и сам толкал сына в пропасть, следовало подчиниться — пусть сам и расплачивается за свои грехи перед Небом.

Кто бы мог подумать, что ван Лян настолько печётся о маленьком принце, что готов ради него открыто бунтовать против монарха? Но теперь, навлекая на себя гнев посланника Цися, сумеет ли ван Лян выйти сухим из воды?..

Пока слуги дрожали от страха, Су Бэйлян оставался невозмутим. Он спокойно поправил широкие рукава и бросил служанке:

— Приведи принца. На улице похолодало — наденьте на него побольше одежды и не забудьте плащ.

— Слушаюсь!

Вскоре появился Су Цянь. Послушавшись приказа, служанки натянули на него столько одежонок, что мальчик еле дышал, чувствуя себя словно капустный кочан.

Су Бэйлян подманил его жестом. Наследный принц неторопливо подошёл, и наставник тут же заботливо поправил его воротник, затянув его до самого подбородка, чтобы не оставить ни единой щелочки.

Обливаясь потом, Су Цянь выслушал наставления:

— Пир затянется до полуночи, сырость и холод проникают до костей. Оденешься теплее — не подхватишь простуду перед Осенними испытаниями.

Су Цянь протянул влажную ладошку:

— Августейший дядя, тебе не кажется, что сегодня духота?

Су Бэйлян постарался не замечать распаренного, зардевшегося личика мальчика и, скривив душу, невозмутимо ответил:

— Чем больше одежды, тем теплее. Попривыкнешь — и всё пройдет. Не вздумай снимать.

Су Цянь опустил взгляд на шесть слоёв рукавов, выглядывавших из-под тяжёлого плаща. Стоило вану Ляну отвернуться, как принц скрытно пустил по жилам внутреннюю силу: ледяная волна хлынула от сердца по всему телу, и испарина тут же исчезла.

Мальчик с легким изумлением нахмурился, заметив, что ван Лян шагает как-то неестественно и странно, будто прячет что-то в одежде.

Едва экипаж тронулся, Су Бэйлян залез в рукава и высыпал на мягкую подушку целый ворох опасных предметов: короткий клинок, изогнутый кинжал, дротики «Дротик Семь Звёзд», метательные камни «Камень Летающая Саранча», жемчужины «Жемчужина Исполнения Желаний» и потайные иглы «Иглы Цветка Сливы».

Приложив палец к губам, Су Бэйлян склонился к самому уху ошеломлённого принца и шепнул:

— Выбери, что больше по душе, и спрячь в рукавах. Если этот мерзавец Пэйлаэр на пиру попытается распустить руки — защищайся не колеблясь.

Су Цянь перевёл взгляд на горку потайного оружия и неожиданно заметил, что белая, безупречная кожа на кистях Су Бэйляна покрыта множеством свежих ссадин и царапин. В глазах мальчика мелькнуло ошеломление.

Так вот почему наставник весь вчерашний день избегал встреч и сидел запершись у себя! Он подгонял и переделывал потайное оружие. Неудивительно, что все эти кинжалы и дротики выглядели меньше обычных — он намеренно перековал их под маленькую детскую руку.

<http://bllate.org/book/20606/2130804>